

ПСИХОЛОГИЯ НАПРАВЛЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц.

Смыслообразование как фактор инициации ценностно-смысловых установок в процессе формирования антиэкстремистской идеологии

Теория смысла и смыслообразования в наибольшей степени приблизилась к раскрытию тех механизмов, которые позволяют человеку из всей многомерной реальности выбрать в качестве личностной ценности лишь нечто определенное. Именно эти механизмы должны быть поняты теми, кто позиционируется государством как официальные носители антиэкстремистской идеологии (преподаватель, юрист, чиновник), и именно они могут стать основой направленных и опосредованных технологий формирования гражданских ценностей у молодого поколения.

Ключевые слова: *смысл, смыслообразование, смысловая сфера личности, ценностно-смысловые установки, технологии смысловой трансляции, диалог.*

Наивная вера людей, ответственных на государственном уровне за противодействие агрессии и идеологии экстремизма, в то, что нормативно-правовые основы этой борьбы реально направлены на формирование антиэкстремистской идеологии на уровне каждого конкретного гражданина, порождает иллюзию: чем грамотнее и всестороннее законодательство, тем лучше и быстрее будет формироваться антиэкстремистская идеология. «Как бы легка и естественна ни была такая установка, но кто раз имел живой опыт непосредственного внутреннего самораскрытия реальности, тот сразу же усмотрит ее искусственность и несостоятельность» [1, с. 35]. Эта цитата Семена Франка чрезвычайно точно характеризует данный аспект рассматриваемой нами проблемы.

Да, должны быть совершенные и квалифицированные законы, да, должны быть продуманная система их операционализации в жизнь и взаимодействие людей, но главное ведь в другом. Как вывести главную мысль этих законов («давайте жить дружно, не обижая друг друга») на уровень индивидуальной ценности каждого конкретного человека, как придать им личностный смысл, реально влияющий на их сознание и поведение? Вот вопрос, ответ на который, увы, невозможно дать на уровне конкретного закона или постановления, которые, будучи даже совершенными, по сути своей остаются отчужденными от души человека. Именно в ответе на данный вопрос содержится понимание другой, еще более важной проблемы: почему те, кто не издают законы и не имеют официальных механизмов по их реализации, могут убедить человека подчинить свою жизнь (или даже пожертвовать ею) ради идей, которые зачастую не принесут ему ни материальных,

ни жизненных благ? Такой ответ возможен лишь при условии интегрированного осмысления проблемы в контексте целого ряда наук, сопряженных с изучением не только разных аспектов терроризма и экстремизма, но, что совершенно очевидно, имеющих в качестве предмета своего изучения душевные аспекты человеческой сущности и его пристрастий.

Понять эту проблему вне психологии наверняка невозможно. Однако и психологическая наука в своих разнообразных теориях и подходах неоднородна и интегрирована. Желательно, выделить ту теорию, которая в наибольшей степени приблизилась к раскрытию того механизма, который позволяет человеку из всей многомерной реальности выбрать в качестве личностной ценности лишь нечто определенное. Особую ценность для нас в решении данного вопроса представляет современная отечественная теория смысла и смыслообразования.

Предыстория современной теории смысла многоаспектна и связана с именами многих выдающихся психологов, философов, культурологов, лингвистов, но, собственно, основная веха, с которой можно начать отсчет того, что сегодня мы инстатуируем как теорию смысла, начинается с работ А.Н. Леонтьева. Определяя смысл через отношения, А.Н. Леонтьев вводит категорию «личный смысл», выражающую не ситуативный выбор из семантического поля, а интегрированную целостность психического. «Личностные смыслы отражают мотивы, порождаемые действительными жизненными отношениями» и «выражают именно его (субъекта) отношения к осознаваемым объективным явлениям» [2, с. 81].

Личностный смысл является, по существу, отношением мотива к цели, имеет объективную предметную сторону и характеризует уникальную субъективность данного индивида. «Личностный смысл – это всегда смысл чего-то: “чистый”, непредметный смысл есть такая же бессмысленность, как и непредметное существо» [2, с. 244]. Именно через личностные смыслы значения как устойчивая система обобщений, стоящая за словом, одинаковая для всех людей, начинают принадлежать конкретному человеку и выражать его индивидуальность. «Функционируя в системе индивидуального сознания, значения реализуются не сами по себе, а через движение воплощающегося в них личностного смысла – этого для себя – бытия конкретного субъекта» [2]. «Личностный смысл, следовательно, связывает значения с реальностью жизни субъекта в этом мире, с его мотивами. Личностный смысл и создает пристрастность человеческого сознания» [2]. Идеи А.Н. Леонтьева инициировали целую плеяду исследований личностных образований, которые на настоящем этапе развития и понимания личности являются наиболее авторитетными.

В работах А.Г. Асмолова в рамках рассматриваемой иерархической уровневой модели установочной регуляции деятельности вводится понятие смысловой установки, которая представляет собой готовность к совершению определенной деятельности, обладая фильтрующей функцией по отношению к установкам нижележащих уровней. «Смысловая установка личности представляет собой форму выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенным образом направленной деятельности. Личностный смысл есть содержание

установки» [3, с. 258]. Рассматривая мотивационно-смысловые отношения человека как индивидуальности, «производность смысловых образований личности от порождающей их совокупности деятельностей», подчеркивая социальную детерминацию смысловых образований, Асмолов определяет, что «неосознанные мотивы и смысловые установки личности представляют собой нереализованные предрасположенности к действиям, детерминируемым тем желаемым будущим, ради которого осуществляется деятельность и в свете которого различные поступки и события приобретают личностный смысл» [3, с. 356]. Введение новых аспектов изучения смысла приводит к необходимости иерархизировать, выделить и соотнести различные уровни смыслов, определить, по терминологии А.Г. Асмолова, «динамические смысловые системы» [3, с. 360], синтезировать дискретную к этому моменту мозаику картины смысловой реальности, найти единицу анализа личности, сохраняющую в себе содержательные характеристики личности как целого и описывающую ее с разных сторон, единицу регуляции деятельности, исходя из ее смыслового, а не технологического, анализа.

Е.В. Субботский, изучая поведение смысла в онтогенезе [4, с. 62–72], вводит понятие смысловых образований, которое определяет как «... составляющую сознания, которая непосредственно связывает человека с действительностью и является дериватом объективных функций этой действительности в жизни и деятельности субъекта» [4, с. 63]. Эта категория довольно быстро получает дальнейшее развитие в ряде работ ведущих отечественных психологов (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Б.В. Зейгарник, В.А. Петровский, Е.В. Субботский, А.У. Хараш, Л.С. Цветкова). В 1979 г. в журнале «Вопросы психологии» они выступают с «программной статьей» (по выражению Д.А. Леонтьева), в которой рассматривались «основные принципы подхода к анализу смысловых образований» [5, с. 92], выделялись основные свойства, «большая» и «малая» динамики развития [3, с. 95]. Смысловые образования однозначно относились к глубинным образованиям личности, отграничивались от таких понятий, как «отношение» (В.Н. Мясищев), «значащие переживания» (Ф.В. Бассин), «значимость» (Н.Ф. Добрынин). До этого момента стремления выработать психологически обоснованные дефиниции находили место в научно-журнальных дискуссиях, теперь же сама терминология, характеризующая смысловые аспекты психологии, была приведена в определенную систему, дающую возможность валидно использовать тот или иной термин из этой области. Вводимые вновь понятия и интерпретация уже давно существующих с точки зрения смыслового содержания свидетельствовали о том, что уровень обобщения в этом психологическом ракурсе позволяет выйти на новое научное понимание таких важнейших психологических категорий, как деятельность, сознание, личность, на новое научное видение всей системы общепсихологических знаний. Это определило начало нового, третьего этапа развития теории смысла в отечественной психологии, который, по мнению Д.А. Леонтьева, характеризуется: «возникновением классификаций смысловых образований (Е.Е. Насиновская и др.), выделением "смысловой

сферы личности" (Б.С. Братусь), концепций смысловой динамики (Ф.Е. Василюк), смысловой саморегуляции (Б.В. Зейгарник, В.А. Иванников). Стало возможным говорить о смысловой реальности, включающей в себя самые разные структуры и механизмы» [5, с. 103].

Отечественная постклассическая психологическая теория, перейдя от моносистемного к метасистемному способу видения субъекта познавательной деятельности, привнесла в психологическую науку ряд новых принципов и подходов (историко-эволюционный, историко-системный, историко-категориальный, парадигмальный, контекстный и т.д.), которые изменили общую тенденцию и направленность психологического поиска как в сфере теоретического осмысления понятийного аппарата гуманитарного познания, так и в описании механизмов психической реальности.

Так, теория психологических систем (В.Е. Ключко), рассматривающая человека как многомерный мир, определяет, что в процессе взаимодействия субъекта с объектом рождается новая реальность – сверхчувственная, т. е. характеризующая всю систему, продуктом функционирования которой она является, «удвоенная», поскольку оказывается качественно новым образованием, не сводимым ни к субъективному, ни к объективному. «Науки переполнены категориями, фиксирующими объективные и субъективные явления, но практически нет понятий, которые могли бы адекватно фиксировать ту реальность, которая открывается при попытках мысли проникнуть в пространство, существующее между духом и материей, объективным и субъективным. Здесь противоположности сосуществуют в сложном, но вполне упорядоченном системном единстве, в силу чего "мир человека" оказывается частью самого человека, его продолжением, его истинным телом. Характерной особенностью этого "очеловеченного" пространства является его многомерность, которая возникает в результате интеграции в нем объективных и субъективных измерений» (В.Е. Ключко). Новый ракурс поиска сущности и специфики законов познавательной деятельности человека переориентирует все уровни исследований: методологический, теоретический, эмпирический. По-новому трактуется предмет науки, который понимается как «сложная система, центром которой является человек, а психика рассматривается не как подкожное образование (в этом случае оно ничем не отличалось бы от наивно понимаемой души), а как то, с помощью чего обеспечивается дальное действие человека в его предметных ценностно-смысловых полях, осуществляется и удерживается переход субъективного (текущие состояния человека) в предметный мир человека и обратное движение мира в сознание человека» [6, с. 9].

Переориентация методологических принципов в связи с возникновением теории психологических систем, изменение теоретических конструктов, поиск новых принципов построения экспериментальных и других методов психологического исследования, разработка таких принципов психодиагностики, которые были бы адекватны новому пониманию человека как сложной самоорганизующейся системы (Э.В. Галажинский), вывели прикладные отрасли психологии,

и, в первую очередь, ее направления, связанные с особенностями развития и формирования ценностей индивидуального и группового сознания на качественно новый уровень [7].

Информация, постигаемая как конечная истина, не вызывает пульсации сознания, не рождает пристрастности познающего субъекта, она становится «отчужденной» и «погасшей». Только из противоречия между наличным содержанием сознаваемого или потенциально сознаваемого и внешними аспектами бытия, проникающими в смысловую сферу познающего, возникает та искра, которая порождает желание мыслить, приблизиться к истине. «Смысл, разумеется, содержится в любом знании. Однако его экспликация, понимание, вычерпывание требуют специальной и нелегкой работы» [8, с. 23]. Рассматривая смысл как средство связи значений с бытием, с предметной действительностью и предметной деятельностью, В.П. Зинченко анализирует механизм смыслопорождения, извлечения смысла из значений и адекватной смысловой оценки ситуации, говорит о том, что извлеченный субъектом смысл не дан постороннему наблюдателю, он не всегда дан и субъекту познания (невербализованный смысл – по В.К. Вилюнасу; часть, «недоопределяемая сознанием», – по А.Ю. Агафонову) [9]. Однако внутренняя интенция (побуждение), если она возникла в данной ситуации, порождает стремление искать его в процессе познания. При извлечении смысла из вербальных значений субъект привлекает внелингвистическую информацию, к которой относятся образы предметной реальности, а также действия с ней. «От характеристики смысла как бытийного и ненаблюдаемого образования имеется ход к проблеме Смысла жизни (бытия), который полностью не выразим в значениях» [8, с. 53]. Вне этого внутреннего стремления, вне пульсации смысловой сущности мы не могли бы понять источник мыслительной активности, предметность и бытийность мысли. «Не менее интересен и сложен для анализа противоположный процесс – процесс означения смысла, трансформации или перевода смысла в значения. Такой перевод, если он осуществлен полностью, является своего рода “убийством” смысла как такового. Означение смысла или его понимание – это вовлечение чего-то из сферы бытия в сферу языка» [8]. Любая концептуализация все равно должна оставлять элемент «недоназванности» (неозначенности), пространство для смыслового движения, степень свободы мыслительной деятельности. Механизм смыслопорождения открывается через «совместный анализ циклических и противоположно направленных процессов осмысления значений и означения смыслов... На стыке этих процессов рождаются новые образы, несущие смысловую нагрузку и делающие значения видимыми (визуальное мышление), и новые вербальные значащие формы, объективирующие смысл предметной деятельности и предметной действительности» [8].

Описанные выше механизмы смыслообразования как основы личностного становления, определяющие жизненные приоритеты и ценности в системе любых жизненных реалий, позволяют выйти на новый уровень осмысления той проблемы, которая собственно и является предметом анализа настоящей статьи. Хотя смысл,

как было показано, по своей природе интенционален, однако очевидно, что при определенных условиях внешнего воздействия его интенция может приобретать определенный вектор, и это является определенным ресурсом в плане направленного воздействия на развитие определенной системы ценностей, особенно, на уровне личности, которая находится еще в процессе своего становления (подростка, юноши). В этом плане, безусловно, перспективен подход В.А. Иванникова, раскрывающий механизмы волевой регуляции, формирование побуждений к деятельности, дающий смысловой анализ деятельности [10]. Механизмом такой регуляции выступает изменение или создание дополнительного смысла, что позволяет усилить или ослабить побудительную силу тех или иных мотивов. В психологической науке разработан целый ряд приемов, позволяющих целенаправленно изменить смысл действия (т. е. личностный смысл): переоценка значимости мотива или предмета потребности; изменение роли, позиции человека; соединение заданного и принятого действия, с новыми мотивами и т.д. Эти психологические техники вполне могут быть выведены на уровень методов воздействия, ориентированных на формирование определенной идеологии как системы жизненных ценностей человека в отношениях с окружающим социумом.

Для разработки целостной системы технологий направленного воздействия на ценностную сферу личности (а это одна из приоритетных задач работы над предлагаемой для рассмотрения проблемы) необходимо преодолеть определенную дискретность, которая в настоящий момент еще существует в исследованиях природы смысла. Для этого постараемся интегрировать те аспекты инициации смыслообразования, которые были выделены и проанализированы ранее.

В этой связи укажем на два важных момента, касающихся и жизненного мира человека, и связанного с этим жизненного смысла. Во-первых, попавшие в орбиту жизненных отношений человека фрагменты бытия, артефакты культуры, явления природы и тем самым приобретшие для него жизненный смысл, в объективной действительности не ограничены от ее других реалий, а значит, личность отражает мир не только на ассоциативном, но и на смысловом уровне. Смыслообразование, детерминируемое жизненной необходимостью, имеет, таким образом, тенденцию к расширению. Во-вторых, жизненный мир современного человека, включая все его возрастные ступени, стремительно расширяется в условиях все более уплотняющейся виртуальной среды (телевидение, компьютеры, Интернет). Не будем однозначно утверждать, что вхождение человека в более объемные пространства бытия являются одновременно вхождением и в более широкое жизненное пространство, в том числе его смысловую составляющую, поскольку в этом случае имеют место все же не реальные, а виртуальные явления, но субъективный мир человека оказывается активно задействованным и в данном случае и не может не отражаться на процессах смыслообразования.

Дальнейший анализ модели смыслообразования приводит к другой исходной ступени развития смысловой сферы человека. Если жизненные смыслы определяются логикой жизни, раскрываются ее обстоятельствам, являются достаточно

жесткой структурой, привязанной к жизненной необходимости, с неярко выраженным психологическим содержанием, то на противоположной стороне обнаруживаются глубоко психологические, устойчивые, «ядерные» (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь), смыслы личности как высшие смыслы – ценности. Эта смысловая стержневая структура личности, составляя ее базовое «Я», и реализует смысловую регуляцию жизнедеятельности человека.

Возвратимся к вопросу о разграничении смысловых процессов, осуществляемых в субъективной сфере человека. Один из них, как уже было оговорено ранее, характеризуется как смысловая регуляция, обеспечивающая бытие человека в мире, другой – как процесс смыслообразования, так как именно эта внутренняя, глубинная психологическая структура личности, осуществляя ее жизненную регуляцию, регулирует и смыслообразующий процесс. Такое понимание смыслообразующей роли высших смысловых этажей сознания человека, фактически выведенных за пределы психического – в трансцендентальную сферу, является наиболее значимым звеном в нашей модели именно в плане становления и обогащения реального жизненного мира человека.

Конкретизируя механизмы смыслообразования, имея в виду, с одной стороны, жизненные смыслы как атрибут жизненного мира человека, с другой – устойчивую, стержневую систему смыслов его субъективного мира, отметим принципиальную значимость взаимодействия указанных смысловых сфер личности в смыслообразующем процессе. Замыкание смысловой компоненты субъектного опыта человека, смысловой матрицы его сознания на жизненных ценностях жизненного мира человека переводит их в ранг личностных смыслов, обратным образом влияющих на породившую их устойчивую смысловую структуру. Во взаимодействии двух смысловых стратегий в одном и том же смысловом пространстве личности процесс смыслообразования принимает характер смысловой самоактуализации и взаимного обогащения самих смысловых стратегий.

Взаимодействие устойчивой смысловой структуры личности и жизненных смыслов в одном смысловом континууме, порождающее все более сложные смысловые уровни – от относительно простых личностных смыслов и смысловых установок до устойчивых смысловых образований (смысловые диспозиции, когнитивные структуры, ценности) – осуществляются посредством превращенных форм жизненных отношений. Известная теория М.К. Мамарадашвили [11] о превращенных формах самими автором выводится непосредственно в смысловые структуры личности и уже далее развивается психологами. «В результате этого превращения, – замечает Д.А. Леонтьев, – содержание претерпевает определенные трансформации: исходная система отношений сворачивается, редуцируются и выпадают опосредующие звенья и промежуточные зависимости, обнаруживаются одни характеристики предмета, функционально значимые в данной превращенной форме, и стираются другие, не имеющие значения для соответствующих аспектов его функционирования. Все эти трансформации определяются не чем иным, как свойствами субстрата, в котором получает воплощение исходное предметное содержание» [7]. Содержание

приведенного текста относится к смыслам как «инобытию некоторой реальности в инородном субстрате» [7], свидетельствуя об определенном взаимопроникновении смысловых и мыслительных актов.

С одной из сторон рассмотренного взаимодействия, порождающего «текучесть» смысла, его неоднозначное поведение в различных жизненных ситуациях, связан факт смыслообразования, заслуживающий по нашему мнению, включения в интегративную модель смыслообразования. Указанная сторона – устойчивая смысловая структура сознания человека, его базовое «Я», его «ядерные смыслы». В качестве ведущей смыслообразующей технологии в нашей модели выступает диалог, который мы понимаем в широком смысле, по-бахтински, как диалог культур [12], осуществляемый, вместе с тем, в узкой точке индивидуального сознания. Мы, однако, ориентированы на то, что в литературе он определяется по-разному: как «событие общения», как «взаимная рефлексия», как «раскрытие смысла с помощью другого смысла», как «сопряжение мыслеполаганий», как «смещение, сдвиг между оппозиционными полюсами сопряженных феноменов», как «полифоничность точек зрения», как «контекст соотнесенности различных культур», как «ключи к рассекречиванию кода» (использована терминология М.М. Бахтина, М. Хайдеггера, Г.Г. Шпета).

Рассматривая проблему смысловых инициаций как основы для формирования личностных ценностей, мы склонны сделать предположение о ключевой роли диалога в смыслообразующем процессе личности, допуская, однако, «вспышечный» (инсайтный) характер образования смысла в конкретной ситуации, внедиалоговую форму поглощения более значимым для индивидуума смыслом менее значимого. По нашему мнению, внепроблемность не может рассматриваться как главное поле становления и развития смысловой основы личности; диалог, сопровождаемый проблемностью, – максимально значимый, как будет показано далее на психолого-дидактическом материале, фактор смыслообразования. В нашей модели диалогу принадлежит центральное место, на пересечении диагонали и вертикали смыслообразования.

Горизонтальная линия смыслообразования представлена взаимодействием надситуативных, ядерных смыслов личности и жизненных смыслов как системы ее отношений с миром окружающих ее людей, как актов ее «общения» со значимыми для нее предметами культуры. Горизонт жизненного мира человека при этом не является обозримым, и актуальные зоны смыслообразования человека, становление его жизненных и личностных смыслов, а также более сложных смысловых структур имеют тенденцию к расширению за счет актуализации потенциальных зон. Взаимодействие устойчивой смысловой структуры личности и ее жизненных смыслов, их встречное движение и означает не что иное, как диалог. Любой диалог, как мы только что сказали, имеет смысловую природу, здесь же он смысловым является изначально, и его функция через сближение и обострение смыслов, их взаимную адаптацию, ситуацию выбора и другие механизмы смыслового взаимодействия – прост бытия, обогащение сознания.

Вертикаль смыслообразования задана линией между устойчивой смысловой структурой личности, ее внутренним «Я» и структурами психики низшего уровня. Другие уровни: познавательный, аффективный, креативный, – располагаются, естественно, между ними. Действуют, как уже подчеркивалось, сразу все контуры, однако вектор влияния направлен со стороны личностно-смыслового контура в сторону структур личности менее высокого порядка, подчиняя их себе в определенных границах. Это прямое смысловое влияние. Примером же обратного влияния может служить физическая внешность будущей актрисы, взятая в соотнесенности с этой ее профессиональной перспективой как смыслом жизни. Взаимодействия, осуществляемые на вертикальной линии смыслообразования, имеют, если сделать вывод, диалоговый характер. Внутренняя борьба влечений и осознанной целесообразности, эмоционального и рационального, желаний и рассудочной деятельности – за всем этим «пульсирует» диалог таких смысловых образований, которые присущи различным этажам психики индивидуума.

В точке пересечения горизонтальной и вертикальной линий смысловых взаимодействий и в окружающем ее пространстве располагается центр (точка) смысловой сингулярности – предельной смысловой насыщенности. Это условное название (по аналогии с сингулярностью как физического явления, когда под воздействием неведомой материи в доли секунды меняется вся ранее существовавшая картина мира, когда в одной точке пространства-времени происходит бесконечная трансформация бесконечности) позволяет понять, как возникает «инсайт» самопонимания и переоценки тех ценностей, которые до этого казались достаточно устойчивыми. Может ли человек в одночасье изменить свои ценности, трансформировать свои жизненные перспективы и приоритеты? Да, в определенных обстоятельствах это возможно. Именно об этом писал биолог Ф. Капр: «Пока человек уверен, что его скука и пессимизм говорят ему правду о Вселенной, он отказывается совершать какие-либо усилия. Но, если, словно грешник Ивана Карамазова, он испытает неожиданную вспышку «смысла», то может стать непобедимым и неуязвимым; пройти десять миллиардов миль будет для него забавой» [13, с. 21]. Эти личностные трансформации нельзя объяснить с точки зрения детерминизма, их можно осмыслить только благодаря осмыслению интенциональности смыслообразования.

Один из векторов предлагаемой в нашей модели системы координат совпадает с горизонтальной линией взаимодействия и обращен изнутри субъективного мира вовне к смысловой сущности фрагментов жизненного бытия личности: смысл, например, художественной книги, информации в СМИ. Другой вектор, совпадающий с вертикальной линией взаимодействия, обращен к самой личности, направлен на сам субъект, на собственную деятельность человека. В таком случае говорят: «смысл моих действий в том-то», «не вижу смысла в этой моей деятельности», «моя деятельность не совсем бессмысленна».

Можно предположить, что раскрывающиеся в диалоге человеку смыслы чего-то, что во вне человека, и смыслы актов собственной деятельности, поведение своей же собственной смысловой структуры могут вступить в диалог и между собой. Этот

диалог вводит нас в проблему сознания и поведения, взглядов и поступков, позиций и действий личности и приближает нас к пониманию тех механизмов, которые лежат в основе нашего мировоззрения, нашей идеологии. Именно понимание диалоговых механизмов как основы воздействия одного человека на другого должны рассматриваться в контексте формирования идеологии, ориентированной на антиэкстремистские ценности.

Литература

1. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2000.
2. Асмолов А.Г. Психология личности. – М., 1990.
3. Бахтинология: Исследования, публикации, переводы. К столетию рождения Михаила Михайловича Бахтина (1895–1995) / Сост., ред. К.Г. Исупов. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 1995.
4. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – 212 с.
5. Зинченко В.П. Живое знание. – Самара, 1998.
6. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М.: Изд-во МГУ, 1991.
7. Капр Фритьоф Скрытые связи / Перев. С англ. – М.: ООО Издательский дом «София», 2004. – 336 с.
8. Клочко В.Е. Системная детерминация мыслительной деятельности на стадии ее инициации // Сибирский психологический журнал. – Томск, 1997. – Вып. 5. – С. 19–26.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977.
10. Леонтьев Д.А. Психология смысла. – М.: Смысл, 2000.
11. Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 386–389.
12. Субботский Е.В. Изучение у ребенка смысловых образований // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14. Психология. – 1977. – № 1. – С. 62–72.
13. Франк С.Л. Реальность и человек / Сост. А.А. Ермичева. – СПб: РХГИ, 1997. – 448 с.